

УДК 32:130.3; 32:316.63

О.В. Агишева**ОБРАЗ ГОРОДА В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ**

Рассмотрен образ города в политическом пространстве. Образность политического мира глубоко укоренена в российской политической культуре. Наиболее «сильным» является образ города, уходящий своими корнями в архетипические представления. Особо значимые образы городов включают в себя элементы образа «великого» и «сакрального» города. Образ города неизбежно несет в себе яркую ценностную составляющую, отражающую субъективное отношение.

Сразу оговоримся, образ города в контексте данного исследования понимается как определенный политико-культурный феномен, развивающийся по своим законам и имеющий влияние на политическую жизнь. Как и образ в целом, образ города представляет собой естественно-психическое явление, лежащее в плоскости соединения рационального и эмоционального, где встречаются объективная и субъективная реальности. Для образа свойственно сочетание качеств действительности и духовного мира человека, который создает данный образ, его эмоциональных и психологических качеств, особенностей восприятия реальности. Компактный пространственный образ переводит достаточно сложные структуры восприятия и описания географического пространства в своеобразные простые и универсальные коды, некие матрицы, несущие в себе определенную ценностную составляющую, в том числе и политических явлений и событий.

Образ появляется вместе с самим городом. То есть образ города становится той самой отличительной чертой самого городского феномена, его принципиальным отличием от других форм социальной и политической организации. Освальд Шпенглер отмечает появление «души» города, как «единого целого», связывающего воедино ранее разрозненные образования: «Образ самого города представляет собой предметное единство языка форм и истории стиля, которое присутствует во всем жизненном течении культуры» [1. С. 93]. Образ города был тем самым связующим элементом, благодаря которому город воспринимался как единое целое. Появилось даже такое понятие, как урбанизируемое сознание, когда роль города в сознании человека определяется следующим образом: «В силу того, что в триаде «Я-Город-Мир» понятие Город занимает срединное положение, образные представления о городе могут легко сжиматься до ничтожной точки, а могут разворачиваться до бесконечности. «Город» при этом оказывается чем-то вроде медиатора, ...это образ-посредник, соединяющий несоединяемое, связующий крайние абстракции: бесконечно малого ничто и бесконечно огромного все. Такой «град» нематериален. Он духовен и призрачен, как призрачны попыт-

ки слияния с Абсолютом, в котором противоположностей не существует» [2. С. 73].

Любой город, а точнее его образ, несет в себе ценностную составляющую. В зависимости от политической необходимости и способности акторов, действующих на этом поле, она может быть грандиозной по своим масштабам или же повседневной, окрашенной в позитивной или негативной тональности. Традиционно в русских культуре и фольклоре образу города соответствует все самое яркое, светлое, возвышенное: «В образе города кроется нечто притягательное для героев, в городе никогда не бывавших, нечто заставляющее их стремиться к нему, искать его, мечтать о нем... Путь к мечте лежит через город и реализуется только в городе... Проникновение в город равнозначно чудесному превращению, наделению магическими способностями, исцелению, достижению богатства, бессмертия и т.п.» [3. С. 208]; «Посредством обретения города герой обнаруживает божественные способности, выявляет свое могущество, раскрывает в себе властные возможности» [3. С. 222]. Таким образом, пространство приобретает позитивный или негативный заряд, в свою очередь, проецирующийся и на власть, которой данное пространство принадлежит (либо на которое она имеет определенные претензии). Города зачастую выступают как индивидуальные места, более насыщенные содержанием, нежели общее политическое пространство: здесь яркие воплощения форм, концентраторы смыслов [4. С. 7]. Для восприятия города характерны уплотнение всех смысловых, пространственных, даже материально-предметных характеристик бытия, предельная цивилизационная сосредоточенность.

Образ включает в себя представления человека о настоящем, связанные с прошлым и надеждой на будущее (в последнем – черты идеального города). Образ любого города включает в себя отпечаток своей цивилизации: «Черта, общая всем городам и, однако, лежащая в основе глубокого различия в их облике, – это то, что все они суть продукт своих цивилизаций» [5. С. 537]. При этом далеко не всегда в образе прошлого города лежат исключительно реальные факты: «Своя история своего города ровно в ту меру надуманна и правдива, в какую мы откровенны с собой о себе и своем времени, в какую пытаемся извлечь из прошлого то, что занимает нас теперь, в какую, наконец, сознаемся в субъективности нашей истории нашего города, пристрастности истории его образа и образа его истории» [6. С. 9]. Город как политико-культурный феномен живет по собственным законам, непрерывно обогащаясь и заставляя нас постоянно обновлять представление о нем.

Образ города не привязан намертво к территории. Сильный образ может переходить от одного города к другому. Сами идеи «переходящего» города уходят корнями в особенности культурного восприятия. Особенно гладко они ложатся на мифологизированность политической культуры России, где большую роль играет вопрос о преемственности. Кроме того, историки говорят и о реальном переносе городов на начальном историческом этапе Руси (конец X – начало XI в.) [7. С. 39]. Традиция «уходящего» или «переходящего» города восходит к Древней Греции. Анализируя гибель городов в греческих трагедиях, филолог О.М. Фрейденберг приходит к выводу, что они в то время в своей образной основе не являлись еще позднейшими понятиями

городами, реальными политическими странами; их семантика была космической, и поэтому их могли воплощать «герои» [8. С. 452]. Такие города периодически погибали и вновь воссоздавались, подобно космосам греческой философии.

В образе города как олицетворении самого общества всегда присутствует определенная иерархия: «Никакой город никогда не предстает перед нами без «сопровождения» других» [5. С. 510]; «Чтобы существовать, ему нужно было господствовать над какой-то «империей», пусть даже крохотной» [5. С. 511]. Ф. Бродель в данном случае говорит о том, что города образуют и сохраняют некоторую иерархию: одни предстают как господа («город-солнце» в системе городов), другие же – в качестве слуг или даже рабов. В территориальной организации традиционного общества власть выстраивает властные отношения, основывая их на принципах семейно-родовой иерархии: «На Руси глава княжеского рода раздает города и земли в управление своим сородичам: старшим – более крупные и богатые, младшим – менее значимые. Отношения старшинства внутри княжеской фамилии оказываются отношениями между городскими центрами» [3. С. 246]. Иерархичность политического пространства чрезвычайно важна для построения четкой властной системы. Кроме того, она помогает установить, обозначить и поддерживать связи внутри территории.

Не случайно, что при установлении тоталитарного режима в Советском Союзе сложилась и достаточно четко выделилась иерархия городов. Вторым по значению городом после столицы объявляется Ленинград: «Москва и Ленинград... устойчиво становятся «№1» и «№2». Конечно, место, занимаемое городом в иерархии городов, первоначально связывалось с числом населения, объемом производства и т.п., но после того как город становился на ту или иную ступень иерархии, практические соображения уже отступали на задний план, соотношение между №1 и №2 становилось уже несоизмеримым с отношением их населения или объемов производства. То, что можно было Москве, например, быть образцом для всех столиц мира, нельзя было Ленинграду; а то, что можно было и Москве, и Ленинграду, нельзя было всем остальным городам» [9. С. 109]. Это неравенство городов друг другу, вытекавшее из общей неравномерности пространства, было налицо.

В основе образа города в большей или меньшей степени всегда лежит некий архетип, выполняющий роль определенного скелета, основания для всего образа. Архетипический образ города выступает как праобраз, несущий определенную ценностную нагрузку. Среди различных городов особое место занимают те, в образе которых отражается некая святость, сакральность. К этому стремятся практически все города, претендующие на значимость в социальном пространстве. Традиции «святого» города уходят корнями в Библию, где городская тема является одной из основных. Да и в целом, можно сказать, что в любой городской цивилизации города носят – в большей или меньшей степени – некую сакральность, которая подкрепляется мифами и легендами местной культуры и религией.

В целом небесная символика придает особое смыслообразующее значение образным характеристикам города: «Ему присущи наивысшая праведность и исключительность, свет и чистота. Это мир, где справедливость по-

лучает немедленное воздаяние, красота обретает царственное достоинство, слово – статус божественного закона. Это источник начал и центр вечного притяжения» [3. С. 223]. В Средневековье мироздание имело отчетливый вектор – снизу вверх, от земли в недосыгаемо высокие небеса, к которым обращались с молитвой и в которые устремлялись колокольни, башни и шпили города [10. С. 18].

Сакральный город во многих религиях предстает как объединяющее начало противоположностей: абсолютный минимум и абсолютный максимум совпадают за пределами понимаемого в мире божественного. Так, например, в образе «Града Божьего» соединяются противоположные полюса, снимаются все дуальные оппозиции, совпадают все противоречия [2. С. 73]. Может поэтому город как архетип культуры изначально сакрален, он превращается в символ немислимого.

В главной христианской книге – Библии – четко прослеживается значение города для истории, развития общества. Французский исследователь Жак Ле Гофф говорит о том, что первые представления в библейских текстах о Рае как о природном уголке (Райский сад) постепенно подменяются вечным городом (Небесный Град) [11. С. 284]. Города в Библии имеют особое значение, которое подчеркивается тем, что они, исходя из текстов, находились под полной властью Господа. Так заслуги людей, их благочестие признавались либо в единичных случаях (отдельный «святой» человек), либо целыми городами. Наказывался народ также чаще всего целыми городами (насылались напасти или же уничтожались).

Интересен и феномен уходящего и возвращающегося города. К примеру, если жители города погрязли в грехе, он выходит из-под покровительства Господа, может быть разрушен, проклят и забыт. Но позже этот город может появиться вновь, «вернуться», пережить вновь расцвет. Причем географически город может «вернуться» как на старое, так и на совершенно другое место. Эта «уловка», идущая от Библии, со временем становилась все популярнее, среди городов разворачивались «сражения» за понравившийся образ. Град Божий Августина Блаженного тоже назван был «блуждающим», пока он находится среди людей [12. С. 7].

Основополагающей городской антитезой в Библии является виртуальное противостояние Иерусалима и Вавилона. Она воплощает «напряженную борьбу и противостояние города хорошего и города дурного, города спасения и города гибели; противостояние завершается разрушением Вавилона» [11. С. 283]. Вавилон становится символом злого города, к нему уходит корнями традиция восприятия города как вместилища порока, опасных новаций и пагубы. Ему противопоставляется Иерусалим как символ святости. Причем хронологически эти два города даже не существуют одновременно. Вавилон был разрушен и проклят задолго до начала строительства Иерусалима. Но в истории дуализм этих двух городов прочно закрепился и постоянно актуализировался.

Но Вавилон – не единственный «дурной» библейский город. В Ветхом Завете появление городов сразу связывается с плохими знаменами. Первое упоминание города в Библии связано с Каином. Именно он заложил первый город главной христианской книги – Енох (назван по имени сына Каина),

когда после убийства Авеля ему необходимо было уйти от всех людей, отгородившись стенами. Каин пытается остановить свои скитания, «запечатать» их построенным городом. Город появляется, когда человек начинает огораживаться, организовывать вокруг себя пространство, ища некий центр в нем. С этого момента для людей начинается новый отсчет времени, город в каком-то смысле помогает человеку преодолеть страдания, защищает его даже перед гневом Бога, заключая в себе некое отдаленное напоминание о возможности обретения подобия рая [13. С. 138].

Таким образом, городская тема в Библии представляет двойственную природу города. Он предстает и как следствие отторжения человека от Бога, и как место обетованное, в нем человек ищет спасения и в буквальном смысле обретает новые возможности выживания, и в высшем духовном – ибо кульминационный акт спасения свершится в Граде [Там же]. Город – место падения и место возвышения человека. Это двойственное отношение к городу приобретает в Библии особый накал. С одной стороны, Божьим провидением и устами пророков творится суд над порочным, развратным городом, а с другой – в Библии открывается новая высокая красота горнего града – Царства небесного.

Одной из разновидностей оппозиции «святой город» – «город гибели» является «город на горе» (прототип – Небо) и «город под землей» (Подземелье). Мир жизни и загробный мир. Исследуя образы города в истории, Н.А. Хренов говорит о том, что в образе любого (в том числе и современного) города просматривается архетип загробного мира. Он объясняет это тем, что древние города соотносились с царством смерти, загробный мир становился архетипом города [14. С. 153]. В русском фольклоре подземный город во многом характеризует раздвоение источника власти, его разнополюсность: «В восприятии связи царствующего города с царством Змея мы раскрываем как бы оборотную, теневую сторону всякой власти» [3. С. 237].

В российской политической культуре традиционно образ города представлялся величественным, священным. Исследователь русской культуры С.Д. Домников утверждает, что «для традиционного сознания противоположность между городом и деревней представляется смыслообразующей и определяется через противопоставление сакрального центра и окружающего пространства» [3. С. 213]. И далее: «Город при этом наделяется символикой небесного, противостоящего земному, со всеми характеристиками, вытекающими из такого рода дуального позиционирования: несовершенству и тленности земной жизни здесь противостоят вечность и нетленность как характеристики совершенного» [3. С. 214]. То есть в мифологии город был вписан в архаическую модель Вселенной, где традиционно представлялся воплощением сакрума (или «градом Божиим») и царственным существом (как воплощение сакрального пространства). Отметим, что подобные представления характерны не только для русской культуры, поскольку идут от христианства.

Для появления города или обоснования его значения была необходима легенда. В основном она опиралась на религиозное сознание и использовала священные мотивы. К примеру, Псков, по легендам, был основан на месте, где княгине Ольге было чудесное световое видение, Святослав воздвигает

Переяславль там, где была одержана победа над печенегами, а Андрей Боголюбский строит Боголюбово на месте явления образа Богоматери.

Впоследствии строительство городов также было связано с сакральными мотивами. Власть, крестившая Русь, выступала фактически создателем городов и церковей. Подтверждение этому мы находим в материалах «Книги степенной царского родословия», созданной духовником Ивана Грозного Андреем (позже митрополит Афанасий) по поручению митрополита Макария в 1560–1563 гг. Согласно представлениям автора Степенной книги, одной из наиболее важных сторон деятельности христианского правителя было утверждение «благочестия» в стране путем строительства церковей [15. С. 630–631]. Основание города в безлюдном месте и церковной организации в нем рассматривалось книжником круга митрополита Макария как неразрывный процесс, в котором важную роль играет князь (в данном случае описываются деяния князя Владимира). Особое внимание к такому аспекту деятельности русских князей, как основание ими «благочестия» на «пустых» местах, могло обуславливаться реалиями России середины XVI в., в которой после присоединения Казани и Астрахани появилось множество подлежащих христианизации мест.

Однако более распространенным было применение так называемого «кочующего» образа города, т.е. когда один уже прочно сложившийся образ переносится от города к городу. В духовной сфере концепция реинкарнации уходит в область религиозной абстракции, что позволяет городам (в основном возникающим столицам) сохранять свои функции и после смены власти [16. С. 201]. Обосновывается все мистическими совпадениями: географические условия, сроки строительства или осады, родство властителей, архитектурное подобие, наличие «святых» мест и т.п. При этом идет идеологическая борьба в руководящих слоях общества среди претендентов на данный образ. Таким образом, сам образ становится некоей матрицей для презентации и интерпретации действительности в политическом пространстве. Образы «святых» городов, сыгравших большую роль в истории, постоянно актуализируются в современности. При этом нужно отметить, что в современности обнаруживаются преемники не только глубоко положительных образов города, но и «города греха». К примеру, Петербург с самого момента его основания зачастую сравнивался с Вавилоном.

На начальном этапе существования государственности на Руси – в киевский период – земли объединяла прежде всего общая религия. Только формы вероисповедания и богослужения были едиными в этой неоформившейся цивилизации [17. С. 43]. Когда объединяющей силой были не политические или экономические факторы, необычайно большую роль играло все воспринимающееся сакральным, поэтому образ святого города был необычайно популярен и действен.

В становлении Москвы как политического центра разрозненных русских земель важное место занимает перенос митрополичьей кафедры из Владимира в Москву при Иване Калите. С этим событием Москва становится церковным центром всей Руси. Политическое значение этого трудно переоценить: старая традиция связывала для русских людей представления о «царствующем городе» с тем местом, где жили и государь, и митрополит. Москва

получила неоспоримые преимущества перед всеми другими городами, светская власть нашла себе духовную опору.

Образ Иерусалима – главного святого города – транслируется во многих современных цивилизациях. Для любого христианского города, претендующего на особое значение, необходим образ Иерусалима. На Руси его использовали все города, сыгравшие значимую роль в истории государства. Прежде всего, это Киев, Тверь, Новгород, Москва. Святой город Иерусалим для православного человека не только и не столько историко-географическое понятие, сколько символический образ Небесного града, в котором обретут спасение праведники [18. С. 2]. Для религиозного сознания центр мира расположен в Святой земле в Иерусалиме. Из него исходит божественная святость. Поэтому столь важно было обосновать связь города с Иерусалимом. Нередко в истории появлялись его «преемники», примерявшие на себя образ «святого города».

Особую роль имело «родство» правителей с царями, правящими в Иерусалиме. Оно давало божественное обоснование их власти, т.е. ее полную легитимацию. Так, по народным представлениям, основатель русской земли св. Георгий приходился сыном иерусалимской царицы св. Софии [3. С. 68]. Таким образом, происходило рождение некой «идеологии» власти: народ объявлялся Богом избранным, а власть – проводником божественного промысла. Отсюда и название – Святая Русь.

Еще одним способом привлечения образа святого города становилось обоснование градостроительных решений. Строительство города на горе или холме имело значение не только с точки зрения безопасности или удобства для расположения, строительства. Этому есть и мифологическое обоснование: расположенный таким образом город играл роль «посредника» между землей и небом [19. С. 14]. Этим он подкреплял «святость» своего образа. Другой аспект, который влиял на усиление священных мотивов в образе города Древней Руси, – это окружение города тесными кольцами монастырей. Кроме этого, такой градостроительный шаг усиливал и образ власти. «Образ города-монастыря, окружающего пространство власти аурой «умного делания», – знаковый феномен русской духовной культуры, – утверждает С.Д. Домников. – Образ такого города-монастыря с наибольшей последовательностью отражается на градостроительной политике Москвы, на каждом из этапов развития которой освоенное городское пространство окружалось кольцами монастырей» [3. С. 260].

В целом можно сказать, что в российской истории и культуре пространство города характеризовалось всеми признаками священного пространства. А для исторических и социально-утопических легенд характерно усиление мотива сакральности пространства утопических городов. Особое внимание при этом уделялось количеству расположенных в них церквей и неприступной мощи крепостных стен. При этом главную роль играл Московский кремль: укрепленный политический центр государства поддерживался и небесными силами.

Образ «святого города» широко использовался в разные исторические периоды нашего государства. Город оказался христианизированным ядром Русского государства, и из него исходили все религиозные импульсы, рас-

пространяясь по всей территории [14. С. 151]. Можно выделить три основных механизма построения сакрального образа: привлечение соответствующей легенды, заимствование уже сложившегося образа и обоснование определенных градостроительных идей. Идеальным образным воплощением любого города виделся праобраз небесного града, в этом случае он становился святыней для окрестных земель. При этом применение «святого» образа далеко не ограничивается периодами Древней Руси и Московского царства. И сегодня многие города используют его при самоопределении. Особенно популярным остается сравнение современных городов с их «великими» братьями, т.е. образ «святого города» и в наше время остается актуальным.

Заложенное в Библии противостояние «проклятых» и «идеальных» городов глубоко архаично по своей природе. Данная оппозиция существует в образе любого города. В современности особенно ярко это проявляется в периоды выборных кампаний, когда политическое пространство испытывает наибольшее напряжение. В этот период наиболее четко прослеживаются составляющие политического образа города (как благоприятные, так и негативные). Политики всегда сражаются за контроль над политическим пространством. Выигрывает тот, кому удастся присвоить пространство себе. Претенденты на значимые городские посты создают различные по значению образы города, в их PR-концепциях постоянно идет война «плохого» и «хорошего» города. Одни рисуют картину ужасных реалий, которые немедленно нуждаются в реформировании, другие же расписывают городскую реальность как оазис в пустыне.

Другое архетипическое представление, широко используемое в образе города, имеет в своем основании проблему политического центра. Идея города, понимаемого как центр мира, идет из архаики и поэтому очень устойчива. В условиях общественного развития город становится тем центром, вокруг которого разворачивается пространство цивилизации, к нему устремлены сознание общества и культура. Кроме того, с древнейших времен идет понимание главного города государства, его столицы, обладанию которым придается большое значение.

В политической культуре России исторически сложилось понимание центра как символически насыщенного пространства. Отсюда идет особая роль столицы в общественно-политической жизни страны и в целом система власти, ориентированная на вертикальные связи. Да и сам город возникает в определенной социальной и демографической ситуации, когда организация общества становится настолько сложной, что дальнейшая его жизнедеятельность без координирующих центров оказывается невозможной. Именно в такой насыщенной социальными связями среде происходит кристаллизация городов, являющихся сгустками этих связей [7. С. 29]. На раннем этапе города выступали преимущественно в качестве военно-политических, административных, культурных и религиозных средоточий.

С другой стороны, схема «центр – периферия» весьма популярна в современных исследованиях, поскольку претендует на комплексное описание пространственной среды. Само разделение на центр и периферию появляется с имперским принципом политической организации [20. С. 229]. Центр – главный, активный, организованный, целеполагающий компонент, интегри-

рующей систему изнутри, периферия – подчиненный, зависимый, аморфный; их взаимодействие порождает и описывает динамику системы. Схематическая пространственная проекция дихотомии «центр – не-центр» лежит в основании выделения в том числе сфер влияния городов. Принадлежность к провинции является определенным типом самооценки, типом культурного самосознания и самоопределения. Любой нестоличный город стремится преодолеть периферийную ограниченность и стать небольшим, но центром.

Во времена феодальной раздробленности на Руси каждая земля или волость имела политический центр: это главный, или старший город. В нем находился княжеский стол, отчего город назывался еще стольным [21. С. 67]. Крупные городские центры выступали олицетворением определенной стратегии и тактики политической власти, поэтому за контроль над ними всегда разворачивалась жесткая борьба. Столичный город неизбежно наделяется сакральным статусом, что предопределяло стремление «младших» городов во всем уподобляться царственной столице: «Все древнерусские города даже внешним обликом стремились быть похожими сначала на Киев, затем на Москву (белокаменные кремли), а впоследствии на Петербург (линейная планировка центральных улиц со зданиями в классическом стиле). В свою очередь, каждая новая столица воспроизводила черты предыдущей» [3. С. 247].

Определение центра страны и утверждение его в сознании граждан имеет большое значение в различных отраслях жизнедеятельности и в первую очередь в политике. В осознании центра политического пространства участвуют, прежде всего, мифологические структуры сознания. Географический образ неотделим от структур пространственного мышления, которое связано с понятием мифа. Д.Н. Замятин объясняет данную связь следующим образом: «Сакральное пространство и его “первоточка” так или иначе связаны с реальным географическим пространством, а эта связь требует адекватного ей выражения. Мифологическое мышление осознает окружающий его мир прежде всего пространственно, это – понятное и понятое пространство. Географический образ по определению, в силу своей естественной медиативности, использует позитивные стороны мифологического мышления» [22. С. 7]. Поэтому образы столицы государства всегда являются особенно сильными и эффективными, выделяющимися на фоне других географических образов.

«Сакральное» восприятие центра политической культурой России, по мнению В.Н. Топорова [23. С. 201], глубоко укоренено в политической мифологии: сакральный центр предстает чистой схемой мифологического мышления, которая воспринимается в сознании как некий образец. В этом смысле город становится таким своеобразным сакральным центром власти, он как бы «стягивает» на себя окружающее профаническое пространство. Геометрия центра расширяется вовне и навязывает себя тому, что лежит вне центра. Особую роль здесь играет образ столичности и противостоящий ему провинциальный образ. Обыденное восприятие политики в обществе осуществляется через призму городской «столичности». При этом исследователь политических мифов Н.И. Шестов указывает на укорененность данного восприятия в отечественной политической культуре: «Мифология городской “столичности” и “провинциальности”, свойственная имперскому периоду и

дожившая до наших дней, возникла не на пустом месте и в этом смысле действительно является “исконной”» [24. С. 213].

В любой культуре существует тип столичного города: «Как говорит уже само его полное глубокого смысла название, это есть тот город, дух которого, его политические и экономические методы, его цели и решения господствуют над землей, над страной. Вся страна с ее обитателями становится средством и объектом этого руководящего духа» [5. С. 97–98]. Именно в нем стремится сосредоточиться политика. Город, который превращается в столицу, – это «воронка, куда ведут все географические, политические, моральные и умственные стоки страны, куда направлены все естественные склонности целого народа; это, так сказать, кладези цивилизации и в то же время каналы, куда, капля за каплей, век за веком, без конца просачиваются и где скапливаются торговля, промышленность, образование, население, – все, что плодотворно, все, что живительно, все, что составляет душу нации» [25. С. 696].

Итак, столица, стольный град, венчающий властную пирамиду, задает модель властвования всем прочим городам, в этом смысле царственный город изоморфен государству. Не случайно в истории России мы выделяем эпохи Киевской Руси, Московского царства, Петербургской империи. В любом столичном образе в большей или меньшей степени (в зависимости от особенностей политической культуры) всегда присутствует и государство в целом. Столица представляет собой лицо страны, а зачастую и ее воплощение.

Примечательны в этом смысле процессы, происходящие в Москве в 1930–1940-х годах: «Выделенность Москвы, представление о Москве как о центре Космоса, начались в ноябре 1933 года транспарантом... “Превратим Москву в лучший город мира по архитектуре и благоустройству”, – достигли апофеоза в 1947 году во время празднования 800-летия Москвы, когда Сталин в своей речи назвал Москву “образцом для всех столиц мира”. Москва... становится тождественной всей стране (ситуация, поразительно напоминающая 17 век, когда... под Московским государством... разумели обыкновенно один царствующий град)» [9. С. 109].

Отметим, что пространственные образы зачастую отрываются от своей географической основы и стереотипизируются, а стереотипическое обозначение географического объекта в свою очередь нередко становится выражителем принципа организации той структуры, в которую этот объект входит [24. С. 236]. Поэтому в соответствии с этой логикой становления мифологического стереотипа в современном российском политическом лексиконе понятия «Москва», «центр» устойчиво обозначают не столько географическую реальность, сколько определенное отношение региональных политических институтов к федеральной власти и ее проявлениям. Становится очевидной дистанция, разделяющая уровни власти в политическом процессе.

В российском политическом пространстве выделяются два города, претендовавших на столичный статус. Москва была столицей единого Российского государства с XV до начала XVIII в., когда Петр I перенес столицу в основанный им в устье Невы город Санкт-Петербург. Москва и Петербург с самого начала были городами-антиподами: «В начале 18 столетия, когда

новая, имперская, “каменная” Россия обрела новую столицу на Балтийском побережье, преодолев наконец средневековый комплекс водобоязни, сразу же возникло противопоставление двух столичных городов, сложилась оппозиция Москва – Петербург, дающая знать о себе по сию пору» [6. С. 9]. Они являлись выразителями разных сфер общественной жизни. Сам образ Петербурга во многом строился как мифологизированная антимодель Москвы [26. С. 11]. Глубокое, хотя и подспудное соперничество этих городов остается непреходящей темой их зрелого культурного развития.

После Куликовской битвы в 1380 г. за Москвой укрепилась слава общерусского политического и культурного центра. Несмотря на политические проблемы XV в. (Смута, борьба за престол) политическое первенство Москвы становилось неоспоримым. Мистическая вера московских князей в свое историческое предназначение составила основание идеологии Московского государства. Задолго до появления идеи о том, что Москва – это Третий Рим, Москва фактически обрела статус святого города, города-Спасителя. За несколько веков Москва становится прочным символом России, заворачивающим русское воображение [17. С. 78].

Образ Петербурга удачно лег на представления средневекового человека о воде, «водяная» символика господствовала в литературе того периода. Образ города, возведенного на воде, был вызовом миру, лепкой Цивилизации из политического ничто, творение действительного Чуда – города-рая, города-корабля среди болотных хлябей, колеблющихся вод и морских ветров [3. С. 476].

При том, что и одна, и другая столица были противопоставлены патриархальной провинции, между собой у них также были непреодолимые различия. На примере Москвы и Петербурга видны различия в отношении города к переменам. Если Москва всегда в сложные времена поддерживала традиционные ценности, то Петербург существовал как традиционная оппозиция царской власти, олицетворял собой авангард русской политической идеи. Поэтому в Москве были популярны консервативные течения, в Петербурге же – либеральные. Москва и по духу, и по внешнему облику более соответствовала традициям национальной культуры. Петербург служил для России «окном в Европу», в его архитектуре четко просматриваются европейские сюжеты. Да и именно с Петербурга Петр I начинал все свои преобразования, направленные на европеизацию государства. Здесь они принимались наиболее безболезненно. Петербург изначально формировался противоположным Москве и по классовому составу. В Москве оставался «старый свет», Петербург же стал городом новой знати. В таблице представлены основные характеристики, по которым идет противостояние двух главных городов России.

В эпоху Петра I Петербург становится воплощением русской художественной идеи того времени, предметным воплощением дела и личности государя, перемен в государстве, ритма исторического движения России [27. С. 22–27]. Архитектура – не просто как отдельное сооружение, дворец или храм, но как целая архитектурная страна, – стала адекватным выражением перемен, происходивших в государстве при Петре I. Она четко выражает принцип жизни нового времени, классового общества.

Составляющие образов Москвы и Петербурга как городов-антиподов

Категории	Москва	Петербург
Планирование и темпы строительства	Постепенное, стихийное развитие («Москва не сразу строилась...»), хаотически застраиваемый город	Стремительное строительство (город построен в течение нескольких лет) строго по проекту, планиметрический город
Идеологическая направленность	Консерватизм	Либерализм
Политические ценности	Традиция	Авангард, реформа
Основные ценности	Ценности прежнего, старого (опыт)	Новые ценности, движение вперед
Воплощение государственности	Русь	Россия
Культурное основание	Выражение национальной культуры, истинно «русский» город	Заемствованный «европейский» город
Преобладающая ориентация	Азиатский город с довлеющими чертами самобытности	Европейский город
Основное сословие	Город исторически значимых сословий (барская Москва)	Город «нового света» (петербургский свет)
Отношение к семейным и домашним ценностям	Почвенная, семейственная, органичная, домашняя, теплая	Казенный, официальный, казарменный, чиновничий, холодный
Тяготение к полюсу эмоции либо разум	Чувственная Москва	Рациональный Петербург
Тип градостроительства	Концентрическая структура города	Линейная планировка
Суть застройки	Замкнутое пространство стихийной застройки	Открытая перспектива улиц и площадей, прокладываемых и застраиваемых по заранее составленному плану
Основной материал строительства	Деревянный город	Каменный город

Отсюда и столь быстрые сроки возведения города на совершенно пустом месте, непригодном для жилья (город стоит на болоте, до сих пор все города строились на холмах – Рим, Москва): «В самом замысле построить город *здесь* заключен дразнящий и насилюющий природу и естество человека триумф общества над природой, духа над материей, разума над чувственностью. При этом и то и другое вступают здесь в бой в своих крайних напряжениях: абсолютно непригодное для жилья болото – и прекраснейший город, “полночных стран краса и диво”» [27. С. 23]. В сердцевине русской жизни чувствовался конфликт. Петербург, как образ этой жизни, этого времени, также был неоднозначен. С одной стороны, это слава и воплощение исторической

судьбы России как целого, с другой – в нем выражено абсолютное безразличие и надругательство интереса целого над интересом индивида.

Отметим, что образ Петербурга является лидером среди российских городов по количеству заимствований, несмотря на то, что это один из самых нетипичных, непохожих на остальные город. Но множество городов обращаются к его образу, находят сходства в истории, функциях, градостроительных и архитектурных воплощениях. Причем это касается не только распространения образа Санкт-Петербурга на внутрисоюзной территории (например, его активно использовали Пермь, Калининград, Оренбург), некоторые зарубежные города также используют его в собственных интересах (к примеру, индийская Калькутта).

Активное использование образа определенного города, его распространение вовне географических границ подтверждает то, что сильный и эффективный образ города действительно работает и имеет политическое значение. Такой образ становится мифологическим центром политического пространства, обозначая и связывая его в единое целое. Чаще всего происходит заимствование устойчивых, сильных образов городов, то есть так называемых «великих».

Создание неких мировых городов, претендующих на всеобъемлющую роль в истории, было продиктовано самой цивилизацией. Без них не могли появиться империи, когда центр распространяет свое влияние вовне практически бесконечно. В древности, мешая человеческое с божественным, происходило возвеличивание начала городов, тем самым освящая их происхождение и возводя к богам [28. Т. 1. С. 9]. Герои древнегреческих культов преимущественно связаны с основанием городов-племен-родов: большинство сюжетов о героях заключают в себе элементы сказаний о рождении города. Кроме того, можно говорить и о том, что герои были мифологическим воплощением городов, а истории героев – историями разрушения и созидания городов [8. С. 450]. Это происходит оттого, что город традиционно предстает как личность, поэтому герой может воплощать в себе судьбу города. Косвенным подтверждением этому служит перенимание имени героя.

Город, которому удалось достичь величия в образе, без сомнения претендует на статус мировой столицы, «этот чудовищный символ и хранилище полностью освободившегося духа, средоточие, в котором сконцентрировался ход всемирной истории. Мировые столицы – это весьма ограниченные по числу гигантские города всех зрелых цивилизаций, которые презирают материнский ландшафт своей культуры и дискредитируют его, низводя до понятия «провинция» [5. С. 101]. Самыми первыми мировыми столицами были Вавилон и Фивы. Существует мнение, что все крупные города, претендующие на статус мировых столиц, это в некотором смысле разные модусы одного города [4. С. 112], разные варианты одной модели городского устройства: Первый, Второй, Третий Рим, Иерусалим и Новый Иерусалим и т.п. Зачастую для усиления образа города используются несколько источников. Например, Москва, с одной стороны, активно пользовалась концепцией Третьего и последнего Рима, а с другой – примеряла на себя образ второго Иерусалима, унаследовавшего первоначальный источник истины. То есть в

центре России были сосредоточены два источника политической и духовной власти.

В целом же великий город – это всегда большой город. В политической культуре многих народов с давних пор существует представление о большом городе, столь сильно действующее на воображение, что практически никогда не ставится вопрос о его достоверности [29. С. 122]. Оно обладает известной принудительной силой, поскольку в нем угадываются черты мифических представлений. Мифологическая структура быстро развивается: несметному Городу начинает противостоять легендарный Герой, призванный его покорить. Так зачастую появляется «великая» история конкретного города.

В истории одним из самых знаменитых городов древности является Троя. В период расцвета она представляла собой центр политической, культурной и военной силы. Политическую важность обладания этим городом показывает постоянная борьба за него, в которую, по легендам, были включены не только люди, но и боги. Впоследствии Троя, а позже и Рим, становятся частью политической традиции европейской цивилизации. В рамках восточной политической традиции более популярным является обращение к образу Иерусалима. Россия же, находясь на перекрестке Востока и Запада, использует как одни, так и другие идеи в зависимости от политической необходимости. После разрушения Трои ее образ, чрезвычайно сильный, остается жить и даже раздваивается, поскольку расходятся судьбы двух единственных уцелевших троянцев Энея и Антенора. Интересен тот факт, что после гибели древней Трои ее название переходит к одному городу (новая Троя), а величественный образ – к другому (Рим).

Образ Рима по-своему уникален. Несомненно, он входит в число наиболее популярных образов и актуализируется на протяжении всей истории с момента возникновения города и до сего дня. Здесь, говоря о Риме, мы имеем в виду прежде всего хрестоматийный величественный и идеальный образ древнего республиканского Рима, родины гражданского и воинского героизма, воплощения совершенного общественного устройства, цитадели законности и права, созданный еще Титом Ливием. При этом необходимо отметить, что во многом этот образ противостоял существующей тогда действительности, однако отражал город, существовавший в сознании его жителей. Сквозь грубые реалии Средневековья для современников продолжал сиять образ Вечного Города, символического ключа к мировому господству, без которого не открывался путь ни императорской, ни папской власти [30. С. 359]. Во многом именно благодаря ему древнее государство добилось столь значимых успехов, поскольку в образе постоянно находили подпитку гражданственность и патриотизм, а следовательно, он руководил поступками граждан, вселял в них уверенность в собственные силы и исключительность Рима, даже в самые трудные времена вдохновлял на подвиги во имя своего города. При этом сама римская тема обращена не столько к человеку, сколько к государству, власти, величию [31. С. 9]. Рим и есть образ этой власти – величия во всей ее полноте и славе, образ державы, империи, мира в целом, а также символ гражданственности, правопорядка, символ в равной степени как империи, так и республиканизма. Образ Рима, с одной стороны, уникален, но в то же время чрезвычайно популярен. Его стремятся использовать

не только отдельные города, но и целые государства, что отчасти привело к тому, что Рим во многих культурах признается столицей мира либо вместилищем целого мира, соединением традиций и всепоглощающим городом. В истории существует лишь два образа города – Рима и Иерусалима, имевших столь сильное влияние как на своих жителей, так и распространившееся, можно сказать без преувеличения, по всей Земле. Они прославили свои государства на долгие века, к этим образам до сих пор обращаются политики при создании образов своих городов.

Трансляция древней идеи Рима привела к ее сильнейшей архаизации, с одной стороны, и значительной трансформации – с другой. Можно говорить о том, что политическое пространство Средневековья (особенно европейского) надолго стало «римоцентричным», так как Рим придавал ему смысл, а постольку и градоцентричным, ведь выход из социального хаоса связывался с властью города, который противостоял анархии и распаду. В исторической перспективе отчетливо видна очень важная особенность – не важно местоположение Города, важно, что это Рим. Вечный город мог беспрепятственно перемещаться в пространстве, придавая ему смысл и организуя его, ибо Рим царит над миром, правит им и может воплощаться там, где средоточие власти [13. С. 137]. Где град, там центр мира. На этом базировались идеологиемы Второго и Третьего Рима. В то время, когда была популярна идея о движущемся Риме, даже возникла поговорка «Рим есть там, где есть римляне». Каждый житель этого величественного города являлся носителем его образа и мог «принести» этот образ вместе с собой. Однако наличие горожан являлось не единственным связующим звеном при трансляции образа города. Если идея становилась политически значимой, у города-преемника обнаруживалось множество схожих черт с тем, к образу которого он стремился (наличие практически идентичного храма, градостроительные особенности и даже сходный ландшафт).

Образ Рима представляет собой наиболее яркий пример «переходящего» образа: от Трои к Риму, затем к Константинополю и, наконец, к Москве. Известная концепция «Москва – Третий Рим» прекрасно демонстрирует, как правильно сформированный образ города становится политически значимым. После падения на Руси татаро-монгольского ига страна нуждалась в поддержке, укреплении в качестве целого, самостоятельного государства. В этот период идея «движущегося Рима» находит свое продолжение: первый Рим (империя) сменил Новый Рим (Византия), после его падения появляется патриотическая теория об исторической миссии России. «Движущийся» в данном контексте означает, что вместе с образом передается мистическая сущность власти: Рим – это не пространственный и не локализованный в пространстве объект, а обозначение единственного в средние века государства, настоящего, истинно христианского. То есть формула Филофея обозначала, что Московская Русь стала государством. Вероятно, идея «Москва – Третий Рим» («два Рима падоша, а третей стоит, а четвертому не бытии»), мыслилась ее автором как универсальная идеология усиливающегося Русского православного государства, в том числе обосновывающая государственную централизацию и абсолютистский статус царя. Ориентация на Рим совпала с ориентацией на историю, традицию и вечность: идея Рима всегда

возникает в русской культуре одновременно с идеей вечности, поскольку Третий Рим всегда мыслится как последний. Существует мнение, что концепция «Третьего Рима» свидетельствует и о возникшей в это время в общественном сознании потребности декларировать и утверждать связь России с европейским и средиземноморским миром, включенность ее в общий магистральный ход христианской истории [31. С. 13].

Трансляция идеи великого Рима происходит во многие города, стремящиеся к образу мировой столицы. При этом практически все из тех, кому это удастся, сами становятся примером для подражания. К примеру, в Европе таковыми без сомнения являются Париж и Лондон, на Востоке выделяется Багдад. Его стремятся использовать не только отдельные города, но и целые государства, что отчасти привело к тому, что Рим во многих культурах признается столицей мира либо вместилищем целого мира, соединением традиций и всепоглощающим городом.

В заключение отметим, что несмотря на все различия, порой очень даже существенные, образ великого города используется практически всеми претендующими на особенное положение городами. Однако лишь немногим удастся эффективно воплотить его в политической практике. В целом же образ любого города в массовом сознании имеет свою динамику, при этом существует несколько устойчивых, чаще всего архетипических, образов города, постоянно актуализирующихся в политике. Наиболее значимые образы городов включают в себя элементы образа «великого» и «сакрального» города и предстают как значимые центры политического пространства. То есть эффективно действующий в политике образ города неизбежно несет в себе яркую ценностную составляющую, отражающую субъективное отношение.

Литература

1. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы. М.: Мысль, 1998. 606 с.
2. Стародубцева Л.В. Город как метафора урбанизируемого сознания // Урбанизация в формировании социокультурного пространства. М.: Наука, 1999. С. 70–93.
3. Домников С.Д. Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. М.: Алетейя, 2002. 672 с.
4. Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 576 с.
5. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986. 624 с.
6. Вдовин Г.В. Образ Москвы 18 века: город и человек. М.: Наш дом – L'Age d'Homme, 1997. 140 с.
7. Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. 269 с.
8. Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. 800 с.
9. Паперный В. Культура «Два». М.: Новое литературное обозрение, 1996. 384 с.
10. Данилова И.Е. Итальянский город XV века: реальность, миф, образ. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2000. 253 с.
11. Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. М.: Издательская группа «Прогресс», 2001. 440 с.
12. Антология средневековой мысли (Теология и философия европейского Средневековья): В 2 т. СПб.: РХГИ, 2001. Т. 1. 539 с.

13. Уколова В.И. Город как парадигма средневековой культуры // Урбанизация в формировании социокультурного пространства. М.: Наука, 1999. С. 134–147.
14. Хренов Н.А. Образы города в истории: психологический аспект смены парадигмы // Общественные науки и современность. 1995. № 6. С. 150–161.
15. Усачев А.С. Древнейший период русской истории в исторической памяти Московского царства // История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени. М.: Кругъ, 2006. С. 609–634.
16. Ершова Г.Г. Асимметрия зеркального мира. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2003. 258 с.
17. Биллингтон Дж. Х. Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. М.: Рудомино, 2001. 880 с.
18. Иерусалим в русской культуре. М., 1994. 224 с.
19. Семиотика города и городской культуры. Петербург. Вып. 18: Труды по знаковым системам. Тарту: Изд-во Тарт. ун-та, 1984. 139 с.
20. Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М.: РОССПЭН, 1997. 432 с.
21. Дьяконов М.А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб.: Наука, 2005. 384 с.
22. Замятин Д.Н. Власть пространства и пространство власти: Географические образы в политике и международных отношениях. М.: РОССПЭН, 2004. 352 с.
23. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М.: Изд. группа «Прогресс» – «Культура», 1995. 624 с.
24. Шестов Н.И. Политический миф теперь и прежде. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. 422 с.
25. Джонс К. Париж: биография великого города. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2006. 736 с.
26. Топоров В.Н. Петербург и петербургский текст русской литературы // Семиотика города и городской культуры. Петербург; Тарту: Тарт. гос. ун-т, 1984. С. 4–29.
27. Гачев Г.Д. Образ в русской художественной культуре. М.: Искусство, 1981. 248 с.
28. Ливий Т. История Рима от основания города. М.: Наука, 1989. Т. 1. 576 с.
29. Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. М.: ОГИ, 2003. 296 с.
30. Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 1: Феномен средневекового урбанизма. М.: Наука, 1999. 390 с.
31. Симицына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М.: Индрик, 1998. 416 с.